

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМЫ М.М. СПЕРАНСКОГО НА СИСТЕМУ УПРАВЛЕНИЯ АЛТАЙСКИХ КОЧЕВНИКОВ

Ключевые слова: алтайцы, Горный Алтай, Западная Сибирь, Устав об управлении инородцев 1822 г., кочевники, родовое управление, дючины, народные съезды (сугланы), ясак.

Статья посвящена изучению особенностей применения «Устава об управлении инородцев» 1822 г. к системе управления алтайцев. Анализ общественной жизни алтайцев показал, что отдельные положения Устава 1822 г., относящиеся к составу и форме управления кочующими инородцами были адаптированы к их старой системе управления. Поэтому у них сохранились прежние ясачные волости и дючины с родовыми управлениями и должностными лицами (зайсаны, демичи, шуленги). Вместе с тем появились новые правила: обязательное утверждение томским гражданским губернатором должностных лиц родового управления, усиление полицейского надзора над родовыми управлениями, возрастание денежной формы ясака и внедрение новых повинностей (губернских, волостных сборов). Кроме того, жители двух чуйских «двоеданческих» волостей были выделены в особую категорию «инородцев, несовершенно зависящих от Правительства» с определенными правами и обязанностями.

EKEEV, N.V.

INFLUENCE OF REFORM M.M. SPERANSKY ON THE MANAGEMENT SYSTEM OF ALTAI NOMBER

Key words: Altaians, Gorny Altai, Western Siberia, Charter on the management of foreigners of 1822 y., nomadic foreigners, clan administration, duchins, people's congresses (suglans), yasak.

This article is devoted to the study of the peculiarities of the application of the "Charter on the management of aliens" 1822 to the management system of the Altai. An analysis of the social life of the Altaians showed that certain provisions of the Charter of 1822 relating to the composition and form of government of nomadic aliens were adapted to their old management system. Therefore, they have preserved the former yasak volosts and duchins with clan administrations and officials (zaisans, demichi, shulengi). At the same time, new rules appeared: the obligatory approval of the Tomsk civil governor of officials of the tribal administration, increased police supervision over the tribal administration, an increase in the monetary form of yasak and the introduction of new duties (provincial, volost fees). In addition, the inhabitants of the two Chuy "double tedan" volosts were assigned to a special category of "foreigners imperfectly dependent on the Government" with certain rights and responsibilities.

Анализ практики организации общественной жизни алтайцев показал, что отдельные положения «Устава об управлении инородцев» 1822 г., касавшиеся состава и формы управления кочующими инородцами, были адаптированы к их старой системе управления. Об этом свидетельствует сохранение у них прежних ясачных волостей и дючин (внутри них – арманов) с родовыми управлениями и соответствующими должностными лицами (зайсаны, демичи, шуленги). А жители двух чуйских «двоеданческих» волостей были выделены в особую категорию «инородцев, несовершенно зависящих от Правительства». Вместе с тем, среди алтайцев, которые были отнесены к податному сословию кочевых инородцев, внедряются новые нормы и правила: обязательное утверждение томским гражданским губернатором должностных лиц родового управления (зайсанов, демичи), усиление полицейского надзора над инородческими управлениями, возрастание денежной формы ясака и новых повинностей (губернских, волостных сборов).

При подготовке статьи использованы Устав об управлении инородцев 1822 года, опубликованные дневниковые записи А.А. Бунге, Г.П. Гельмерсена, В.В. Радлова, П. А. Чихачева, труды С. П. Швецова и архивные документы из фондов Государственного архива Томской области (ГАТО) и Российского государственного исторического архива (РГИА).

В начале XIX в. административная система управления огромной территорией Сибири страдала рядом существенных недостатков: неопределенностью соотношения властных полномочий генерал-губернатора и центральных учреждений, губернатора и губернских учреждений, злоупотреблением местных чиновников и др. Поэтому российское правительство приступило к очередным реформам. Для проведения реформы системы управления Сибирью царским указом от 22 марта 1819 г. генерал-губернатором Сибири назначается видный государственный деятель М. М. Сперанский. Ему поручалось проведение ревизии органов управления Сибири. Ревизия выявила массовые злоупотребления чиновников, казнокрадство и взяточничество [1, с. 21]. В июне 1821 г. был создан Сибирский комитет, который рассмотрел отчет и план реформ М. М. Сперанского, включавший пакет законодательных актов. 22 июля 1822 г. император Александр I утвердил 10 законов, в том числе Устав об управлении инородцев (далее, Устав 1822 г.), составивших особое «Учреждение для управления сибирских губерний» [2, с. 599].

По Уставу 1822 г. коренные («ясачные») народы Сибири выделялись в отдельное сословие «инородцев» с разделением на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих (§§ 1). Кроме того, часть коренного населения Бийского округа (Горного Алтая) – «зюнгорские двоеданцы» были отнесены к особому разряду «инородцев несовершенно зависящих от Правительства» (§ 5) [3]. Согласно разделению на указанные разряды, для каждого из них определялись соответствующие права (§§ 12–80), состав управления (родовые управления, инородные управы, степные думы; их взаимодействие с гражданским управлением округов, губерний) (§§ 81–167), порядок управления (обязанности инородческих управлений и их должностных лиц; полномочия земской полиции, суда и др.) (§§ 168–295) и порядок сборов податей и повинностей (§§ 296–372) [3].

На основе введения Устава 1822 г., ясачное население («черневые татары»), проживавшее по долинам рек Бии, Иши и отчасти по правобережью среднего течения Катунь (по притокам Найма, Чемал и др.), т. е. в северной части Горного Алтая, были отнесены к разряду «кочевых инородцев», а население семи алтайских («калмыцких») дючин первоначально (с 1822 до 1832 гг.) – к разряду «бродячих инородцев» [4, л.л. 62–64]. Наконец, жители двух Тау-телеутских (Чуйских) «двоеданческих» волостей – чуйские теленгиты («зюнгорские двоеданцы»), как уже отмечено, были выделены в особый разряд «инородцев несовершенно зависящих от Правительства».

В 1828–1835 гг. в Западной Сибири работала ясачная комиссия (председатель С. Аргаматов, маркшейдер С. Серебряков, коллежский регистратор А. Фомин), которая провела перепись коренного населения и составила новые окладные книги. По решению ясачной комиссии от 1832 г., население семи алтайских («калмыцких») дючин было переведено в разряд «кочевых инородцев» [5, л. 632].

На практике ряд положений Устава 1822 г., например, об образовании родовых управлений стойбищ (улусов) и инородных управ, среди «кочевых инородцев» Горного Алтая по формальным признакам не были применены. Об этом свидетельствует сохранение у них старых административных единиц – ясачных волостей (дючин) с родовыми управлениями и должностными лицами (зайсаны, демичи, шуленги). Это подтверждается также наблюдениями и записями А.А. Бунге и В.В. Радлова. Так, в дневнике А.А. Бунге за 1826 г. отмечено, что «... под началом одного зайсана обычно состоят три–пять демичей. В их подчинении находятся «шуленги», которых тоже мало, а иногда бывает еще более низкий ранг под названием «арбанак», т. е. «начальствующий над десятком человек» [6, с. 170]. По сведениям В. Радлова, относящимся к концу 1850-х гг., во главе каждого зайсанства (т. е. волости, дючины) стоял зайсан, а ему подчинялись несколько демичей, которым, в свою очередь, подчинены шуленги. Зайсаны и демичи принадлежали старинным княжеским и байским кланам (фамилиям). Зайсанский чин передавался по наследству от зайсана к старшему сыну или старшему родственнику. В случае несовершеннолетия наследника управление зайсанством принимала на себя его мать или близкий родственник совместно с демичи. Несмотря на то, что подданные различных зайсанств жили

ИСТОРИЯ

вперемешку, как отмечал В.В. Радлов, «каждый шуленги знал своих подчиненных, и каждый алтаец знал свое зайсанство» [7, с. 124-130].

Обратимся к сведениям о родовых управлениях волостей, дючин кочевников Горного Алтая. С опорой на исторические факты, изложенные в работах В.В. Радлова и С.П. Швецова, можно утверждать, что первоначально семь алтайских дючин имели одно родовое управление, которое располагалось в долине р. Кеньга – левом притоке Урсула. Родовые управления волостей северной («черневой») части Горного Алтая располагались в следующем порядке: Комляжской волости – в устье р. Сары-Копшу, Кузенской – в селении Тондоша (по В. Радлову: селение Кузен около горы Салоп), Южской – в с. Паспауле, Кергежской – в верховье р. Кебезен (правый приток Бии), а в конце 1850-х гг. перенесено в урочище Артыбаш (в 1,5 верстах от северного берега Телецкого озера) и Кондомо-Шелкальской волости – у р. Белым (приток р. Лебеди). Две Чуйские «двоеданческие» волости имели одно родовое управление в урочище Кош-Агач в верховье р. Чуи близ границы с Китаем [7; 8, с. 255; 9, с. 234-243].

В основу системы управления кочевников Горного Алтая, как известно, был положен административно-родовой принцип. Каждая алтайская дючина (волость) обычно объединяла представителей одного-двух, реже трех-пяти родов (таблица 1). Доминирующие рода (по-алтайски: сөөк) находились в ведении демичей, а мелкие рода – в непосредственном подчинении шуленгов (и арбанаров).

Таблица 1.

Родовая принадлежность зайсанов и демичей [7; 9, с. 238]

Дючина, Волость	Род зайсана	Количество демичей и их рода	Род зайсана		Количество демичей и их рода
		1860 год			1897 год
1-я дючина	Мундус	5 демичи: мундус (5)	Мундус		5 демичи: мундус (1), тонгжон (1), тодош (1), кегил (1), юлюб (1)
2-я дючина	Кыпчак	5 демичи: кыпчак (4) кебёк (1)	Кыпчак		6 демичи: кыпчак (4), кебёк (1), алмат (1)
3-я дючина	Тодош	5 демичи: тодош (5)	Тодош		4 демичи: тодош (2), мундус (1), очы (1)
4-я дючина	Ирkit	7 демичи: ирkit (3), сойон (2), коболу (1), сары алмат (1)	Ирkit		8 демичи: ирkit (4), сойон (2), коболу (1), байлагас (1)
5-я дючина	Тодош	5 демичи: тодош (3), кегил (2)	Тодош		6 демичи: тодош (3), кегил (2), чапты (1)
6-я дючина	Тёлёс	3 демичи: тёлёс (3)	Тёлёс		3 демичи: тёлёс (3)
7-я дючина	Найман	5 демичи: найман (4), тонгшон (1)	Найман (майман)		5 демичи: найман (4), тонгшон (1)
1-я Чуйская	Тёлёс	3 демичи: тёлёс (1), оргончы (1), алмат (1)	Тёлёс		3 демичи: тёлёс (1), оргончы (1), алмат (1)
2-я Чуйская	Кёбёк	6 демичи: ак-кёбёк (2), саал (2), кыпчак (1), моол (1)	Саал		6 демичи: ак-кёбёк (2), саал (2), кыпчак (1), моол (1)
Комляжская	Комдош	5 демичи: комдош (4), ярык (1)	Комдош		5 демичи: комдош (4), ярык (1)
Кузенская	Кузен	4 демичи: кузен (4)	Кузен		4 демичи: кузен (4)
Кергешская	Тогус	4 демичи: тогус (2), чагат (1), тибер (1)	Тогус		4 демичи: тогус (2), чагат (1), тибер (1)
Южская	юс	4 демичи: юс (4)	юс		4 демичи: юс (4)
Итого	13 зайсанов	61 демичи	13 зайсанов		63 демичи

Со времени вхождения алтайцев в состав России (1756) и до конца XIX в. зайсаны и демичи выбирались, как правило, из «старинных княжеских и байских» кланов (фамилий) доминировавших родов [7; 10, с. 70]. Однако по Уставу 1822 г. должностные лица родовых управлений дючин и волостей – зайсаны и демичи (официально «в сношениях с Правительством»

именовались старостами и помощниками старост) утверждались Томским гражданским губернатором (§§ 97, 147). В отношении родовых управлений окружная полиция могла предпринимать проверки порядка управления, проводить дознания и следствия по делам, выходящим за рамки компетенции родовых судов, надзирать за порядком на ежегодных ярмарках, приобщенных к народным съездам – сугланам (§§ 214–222), где осуществлялась раскладка, распределение ясака и других повинностей [3].

В общественной жизни алтайцев сохранилась практика созыва съездов (сугланов) в назначенное место и время, по предварительному приглашению родоначальников и знатных домохозяев. По представительности и важности обсуждаемых вопросов съезды были общенародными (присутствовали родоначальники всех дючин) и локальными (участвовали родоначальники заинтересованных дючин). На таких съездах зайсаны и демичи совещались по разным общественным нуждам, разбирали тяжбы подчиненных, примиряли участников тяжбы. Виновный обязан был тут же оплатить убытки и, сверх того, мог понести телесное наказание. Дела, касавшиеся всего алтайского народа, например, об упорядочении орехового или звериного промысла, о раскладке различных сборов и повинностей, решались народным съездом, на котором присутствовали зайсаны, демичи и влиятельные домохозяева всех дючин [7, с. 212, 219–223].

Вся письменная отчетность и переписка должностных лиц родовых управлений кочевых волостей и дючин с Бийской окружной и Томской губернской администрациями выполнялись письмоводителями (писарями) (§ 104, 107 Устава 1822 г.) [3].

В управлении населения двух Чуйских (Тау-телеутских) «двоеданческих» волостей имелись некоторые отличия. Так, согласно Уставу 1822 г., жители указанных волостей управлялись и судились по своим обычаям и обрядам, могли обратиться с просьбой о покровительстве и защите российского правительства в их внутренних делах, имели право свободной и беспошлинной торговли с «соседственными им россиянами и инородцами», платили «дань по прежнему положению» и имели «полную свободу вносить деньгами или звериными шкурами». Вместе с тем, они были обязаны пропускать на свои земли и защищать российских подданных и иностранцев, имеющих охранительные листы от российского генерал-губернатора. Все сношения с российским правительством осуществлялись через «своих старшин или почетных людей» (§§ 73–77, 79–80, 366–372) [3].

Некоторые подробности об общественной жизни населения Чуйских «двоеданческих» волостей зафиксированы в записях путешественников и исследователей того времени. Так, Г. П. Гельмерсен, после пребывания в устье долины р. Чолушмана в 1836 г., сделал следующую запись: «Что же касается до политического быта здешних обитателей, то на них должно смотреть, как на китайских поданных, платящих русскому правительству ежегодную дань за позволение оставаться на земле, принадлежащей по последнему разделению границ к России. Всякий взрослый мужчина платит китайцам в год по две соболя шкуры, а русским только по одной лисьей, волчьей, лосиной, или оленьей. Из неравенства этих податей можно заключить, что китайское правительство имеет на них большее влияние, нежели русское ..., потому что один старый деметча [демичи – Н. Е.], пригласивший меня в свой шалаш, вышел ко мне в китайской атласной с бархатом шапке, сказав чрез переводчика, что он получил ее от пекинского двора в знак своего достоинства... Двоеданцы долины Чулышмана суть подданные зайсана Монгола... Он доставляет подать Китаю, которую вручает посылаемым ежегодно на границу китайским чиновникам» [11, с. 438–439].

По наблюдениям П. Чихачева, посетившего Чуйскую степь в 1842 г., в руках зайсанов Чуйских волостей сосредоточивалась, помимо права назначать демичей, шуленгов и бошко, «почти вся административная и судебная власть, и они только в редких случаях прибегают к посредничеству высшего начальства» [12, с. 420]. В.В. Радлов, после поездки в Чуйскую степь в 1860 г., отмечал, что все внутренние дела в волостях чуйские зайсаны решали под формальным контролем маньчжурских (китайских) чиновников, наведывавшихся на ближайший китайский пограничный пикет Суок. Двойственное политическое положение чуйских теленгитов обязывало их выполнять ряд обязательств и по отношению к российскому правительству. Помимо внесения в Бийское окружное казначейство натуральной подати (*калан*), зайсаны и демичи заботились о спокойствии и порядке на своих кочевьях, при необходимости предоставляли российским

чиновникам лошадей, обеспечивали безопасность и охрану имущества россиян, находившихся на их кочевьях [7, с. 124-130].

Функции родовых управлений, согласно Уставу 1822 г., делились на судебно-надзорные и хозяйственные. К первым из них относились рассмотрение судебных дел, надзор за спокойствием и порядком среди подчиненного населения, подача статистических сведений и др. (§§ 122–141, 168–186, 223–235, 256–269), а ко вторым – сбор ясака и недоимок, раскладка податей и повинностей, создание продовольственных запасов, забота о развитии земледелия и промыслов, росте поголовья скота и др. (§§ 300–365) [3].

Судопроизводство у кочевых народов Сибири, согласно Уставу 1822 г., осуществлялось «по их собственным степным законам и обычаям». Судебные разбирательства кочевого населения Горного Алтая производились сначала в родовых управлениях дючин (волостей). Если одна из сторон оказывалась неудовлетворенной решением, то имела право обратиться с жалобой к бийским окружным властям: земскому заседателю или в полицейское управление. Срок подачи жалобы не превышал одного месяца, а в некоторых особо важных случаях мог быть продлен до 1 года. В дальнейшем спорное дело рассматривалось народным судом (по-алтайски: *жаргы*), который созывался и проходил под председательством окружного исправника и заседателя. Подобный суд решал дела, руководствуясь нормами обычного права алтайцев. Когда стороны никак не могли прийти к соглашению, то дело решалось по российским законам. В этом случае председательствовал окружной исправник с тремя зайсанами, выступавшими в роли заседателей. Решения такого суда считались окончательными и обжалованию не подлежали. Тяжкие преступления (убийство, грабеж, поджог и т. п.), а также споры между представителями алтайских и русских общин рассматривались в Бийском земском суде по нормам российского законодательства [7, с. 124-130].

Основная масса судебных тяжб рассматривалась внутри дючин (волостей) и редко передавалась в окружной суд. К преступлениям, с которыми приходилось иметь дело обычному суду алтайцев, относились: драки, оскорбления, имущественные тяжбы, бракоразводные дела (включая невозвращение калыма после расторжения брака), кражи, а также нарушения крещеными алтайцами церковных постановлений (камлание и др.). При судебных разбирательствах по сложным делам применялась тягостная процедура приведения к присяге («шерть»): прикасание к голове медвежьей шкуры, а чаще к накрытому медной монетой дулу лежащего на сошках заряженного ружья и обещание говорить только правду. После присяги стреляли из ружья в воздух. Отметим, что во второй половине XIX в. подобные присяги перестали применять. За все указанные преступления и проступки существовали три вида наказания: вознаграждение потерпевшего или возмещение понесенных им убытков; штраф в пользу общества «за беспокойство» (аналог судебных издержек) и, наконец, розги (не более 50 ударов), применявшиеся «в качестве домашнего исправления по обычаям народа». Арест, как наказание, применялся к виновным за неоднократное совершение преступления и по требованию Бийской окружной администрации. Так, за преступления (например, конокрадство), совершенные свыше трех раз, виновные должны были понести наказание в виде заключения в окружную тюрьму или высылки за пределы Томской губернии. Имущественные тяжбы между чуйскими теленгитами и российскими подданными рассматривались сначала третейским судом, назначаемым зайсанами обеих сторон, где присутствовали представители окружной власти. Если там не достигалось согласия, то стороны обращались в суды своих государств. Так, например, иски русских купцов к жителям чуйских волостей разбирались в российском посольстве в Пекине. Однако, подобные судебные разбирательства возникали крайне редко [7; 9; 13, с. 221].

После введения Устава 1822 г. коренное население Горного Алтая стало облагаться, помимо ясака, другими повинностями. Согласно российскому законодательству, все повинности кочевого населения определялись в денежном выражении и разделялись на окладные и неокладные сборы. К окладным сборам (по-алтайски: *калан*) относились ясак, подушная подать, губернский земский сбор и волостные повинности. Неокладные сборы (по-алтайски: *албан*) шли на содержание земской гоньбы, дорог и др. Повинности (сборы) разверстывались на всех «годных работников», т. е. мужчин в возрасте от 18 до 50 лет. От сборов освобождались должностные лица родового управления, калеки, нищие и другие обездоленные люди. В связи с заметным

ИСТОРИЯ

уменьшением пушного зверя и внедрением товарно-денежных отношений, в ясажном сборе постепенно растет денежная форма (таблицы 2, 3).

Таблица 2.

Данные о сборе ясака за 1832 и 1860 гг. [14; 15]

Волости, дючины	Год	Мужчин /податных душ	Пушнина (сумма в рублях)	Деньгами (руб.)	Итого
Комляжская, Кергешская, Кузенская, Южская, волости	1832	1168 /466	25 лисиц, 2000 белок (314 руб.)	84	398
	1860	1669 /774	То же	679	993
Кондомо-Шелкальская	1832	190 /84	20 соболей, 100 колонков (83 руб.)	37	120
	1860	300 /113	То же	64	147
Верхне- и Нижне-Кумандинские волости	1832	717 /289	15 лисиц, 1300 белок (197 руб.)	51	248
	1860	1154 /429	То же	354	551
1-7-я алтайских дючин	1832	4100 /1643	61 соболь, 6500 белок (834 руб.)	1511	2345
	1860	6036 /2598	То же	2872	3706

Таблица 3.

Податное население и величина повинностей (в руб.), 1860 гг. [15]

Волости, дючины	Податных душ	Ясак	Государственная	Губернская	Волостная	Итого (руб.)
Комляжская, Южская, Кергешская, Кузенская волости	774	993	372	113	254	1732
Кондомо-Шелкальская (за 1858 г.)	113	161.	50	22	15	248
Верхне-Кумандинская	103	88	46	19	14	167
	120	154	58	18	39	269
1-7 алтайские дючины	2476	3534	1096	471	339	5440
	2598	3706	1247	384	848	6185

Анализ изученных материалов показывает, что, с введением Устава 1822 г., в общественной жизни алтайских кочевников произошел ряд изменений. Прежде всего, коренное алтайское население было выделено в особое податное сословие «инородцев» (разряда «кочевых») с определенными правами в общественном самоуправлении и обязательствами перед государством в сфере податей и повинностей. С этого времени наблюдались возрастание денежной формы ясака и внедрение новых повинностей (губернских, волостных сборов). Деятельность родовых управлений кочевого населения была поставлена под контроль Бийской окружной администрации. В целом, введение Устава 1822 г. способствовало постепенной интеграции традиционных административно-податных единиц (дючин, волостей) и родовых управлений алтайцев, как и других народов Сибири, в окружную и губернскую систему управления Российского государства.

Литература и источники

1. Алексеев В.В. Регионализм в России. - Екатеринбург, 1999.
2. Власть в Сибири. XVI – начало XX вв. / Сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. 2-е изд. - Новосибирск: Сова, 2005.
3. Устав «Об управлении инородцев 1822 года» // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXXVIII. 1822–1823. - СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. - С. 394–416.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 144. Оп. 1. Д. 54.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 9г. Д. 1042.
6. Бунге А. Путешествие по восточной части Алтайских гор (Дневник путешествия по восточной части Алтайских гор летом 1826 года); 2-е изд. // Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / К.Ф. Ледебур, А.А. Бунге, К.А. Мейер: пер. с нем. / В.В. Завалишин, Ю.П. Бубенков. - Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993.
7. Радлов В. Из Сибири. Страницы дневника/ пер. К.Д. Цивиной и Б.Е. Чистовой; коммент., послесл., ред. С.И. Вайнштейна. - М.: Наука, 1989.
8. Гельмерсен Г.П. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. - СПб.: Тип. И. Глазунова, 1840. - Кн. 2. Отд. 1.
9. Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т.1. Вып. 1. Кочевники Бийского уезда. - Барнаул, 1900.
10. Алтайцы. Алтай улус (Материалы по этнической истории) / Сост., пер., предисл., коммент. Н.В. Екеева. - Горно-Алтайск, 2005.
11. Гельмерсен Г.П. Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. - СПб.: Тип. И. Глазунова, 1840. - Кн. 3. - Отд. 1.
12. Чихачев П.А. Путешествие в восточный Алтай. - М.: Наука, 1974.

ИСТОРИЯ

-
13. *Горохов А.М.* Краткое этнографическое описание бийских, или алтайских калмыков // Журнал МВД. - СПб., 1840. - Ч. 38, II.
14. ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 282.
15. ГАТО. Ф. 196. Оп. 36. Д. 24.

References and Sources

1. Alekseev V.V. Regionalizm v Rossii. - Ekaterinburg, 1999.
2. Vlast' v Sibiri. XVI – nachalo HKH vv. / Sost. M. O. Akishin, A. V. Remnev. 2-e izd. - Novosibirsk: Sova, 2005.
3. Ustav «Ob upravlenii inorodcev 1822 goda» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. T. XXXVIII. 1822–1823. - SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. - S. 394–416.
4. Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti (GATO). F. 144. Op. 1. D. 54.
5. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). F. 468. Op. 9g. D. 1042.
6. Bunge A. Puteshestvie po vostochnoj chasti Altajskih gor (Dnevnik puteshestviya po vostochnoj chasti Altajskih gor letom 1826 goda); 2-e izd. // Puteshestvie po Altajskim goram i dzhungarskoj Kirgizskoj stepi / K.F. Ledebur, A.A. Bunge, K.A. Mejer: per. s nem. / V.V. Zavalishin, YU.P. Bubenkov. - Novosibirsk: VO «Nauka», Sibirskaya izdatel'skaya firma, 1993.
7. Radlov V. Iz Sibiri. Stranicy dnevnika/ per. K.D. Civinoy i B.E. CHistovoj; komment., poslesl., red. S.I. Vajnshtejna. - M.: Nauka, 1989.
8. Gel'mersen G.P. Teleckoe ozero i teleuty Vostochnogo Altaya // Gornyj zhurnal. - SPb.: Tip. I. Glazunova, 1840. - Kn. 2. Otd. 1.
9. Shvecov S.P. Gornyj Altaj i ego naselenie. T.1. Vyp. 1. Kochevniki Bijskogo uezda. - Barnaul, 1900.
10. Altajcy. Altaj ulus (Materialy po etnicheskoy istorii) / Sost., per., predisl., komment. N.V. Ekeeva. - Gorno-Altajsk, 2005.
11. Gel'mersen G.P. Teleckoe ozero i teleuty Vostochnogo Altaya // Gornyj zhurnal. - SPb.: Tip. I. Glazunova, 1840. - Kn. 3. - Otd. 1.
12. Chihachev P.A. Puteshestvie v vostochnyj Altaj. - M.: Nauka, 1974.
13. Gorohov A.M. Kраткое этнографическое описание биjsких, или алтайских калмыков // ZHurnal MVD. - SPb., 1840. - Ch. 38, II.
14. ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 282.
15. ГАТО. Ф. 196. Оп. 36. Д. 24.

ЕКЕЕВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, директор Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова (n_kazat@mail.ru)

ЕКЕЕВ, NIKOLAY V. – Ph.D. in History, Director, Scientific-Research Institute of Altaistics theme S.S. Surazakov.